

УДК 328.34

DOI: 10.17223/1998863X/54/22

М.А. Кашина

ЖЕНЩИНЫ В РОССИЙСКИХ ПАРЛАМЕНТАХ: ПЕРЕЙДЕТ ЛИ КОЛИЧЕСТВО В КАЧЕСТВО? КЕЙС ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Хотя во всем мире женщины имеют избирательные права, гендерное неравенство сохраняется в том числе в России. В статье анализируется женская повестка в деятельности женщин-депутатов петербургского парламента на базе данных о законопроектах и депутатских запросах женщин-депутатов в 2016–2018 гг. Анализ показал, что лишь 17% их законодательных инициатив являются женскими / социально ориентированными.

Ключевые слова: гендерное неравенство, парламент, законотворчество, гендерные нормы.

Введение

Концепция паритетной демократии, разработанная Советом Европы в конце 1980-х гг., предполагала, что необходимо стремиться к представительству мужчин и женщин в органах власти в пропорции 50 на 50 [1. С. 325–326]. За прошедшие тридцать лет многое изменилось, но гендерный паритет в представительных органах государственной власти до сих пор не достигнут. Женщины по-прежнему остаются в меньшинстве в абсолютном большинстве парламентов мира. Этому вопросу посвящен массивный пласт литературы, в том числе отечественной (см., например: [2–5]). Априори полагается, что когда депутатов-женщин немного, то интересы женщин как группы представлены в политике недостаточно. При этом мало кто задается вопросом, а что реально происходит, когда доля женщин увеличивается, действительно ли политика и бюджет становятся проженскими и более социально ориентированными.

В научной литературе достаточно полно изучены различные аспекты женского политического участия [6–8], представлен компаративный анализ со странами Европы (см., например: [9]). В то же время сам законотворческий процесс, особенно в региональных парламентах, с точки зрения активности депутатов-женщин пока мало изучен на эмпирическом уровне. Исключение составляют работы Н. Козловой [10]. Исследователи чаще всего ограничиваются анализом распределения руководящих должностей в парламентах между мужчинами и женщинами, каждый раз фиксируя разделение парламентских комиссий и комитетов на мужские и женские (подробнее см.: [3, 5, 7, 11, 12]), однако сам законотворческий процесс чаще всего остается за кадром. В связи с этим возникает необходимость заполнить теоретический пробел, связанный с пониманием того, выступают ли женщины-депутаты представителями интересов женщин как социальной группы, проявляют ли они активность в решении женских проблем. Также было бы весьма актуально провести компаративные исследования в сфере парламентской деятельно-

сти российских женщин-депутатов, например, по линии Север – Юг, или дотационных регионов – регионов-доноров.

Официальная статистика свидетельствует, что доля женщин-депутатов в парламентах субъектов Российской Федерации варьирует от 5 до 50%, но как это сказывается на содержании и качестве законодательного процесса, с точки зрения отстаивания интересов женщин? Ответ на этот вопрос требует специальных исследований. В данной статье представлен только один кейс – деятельность женщин-депутатов Законодательного Собрания Санкт-Петербурга в 2016–2018 гг. В Шестом созыве регионального парламента, избранного в сентябре 2016 г., женщин стало 24% (12 человек). Это абсолютный максимум для всего постсоветского периода. Однако, как показало исследование, количество пока не перешло в качество в смысле представительства женщинами-депутатами интересов женской части населения города.

Цель статьи – оценить, какова роль женщин-депутатов в решении женских проблем в Санкт-Петербурге, исходя из гипотезы, что высокая доля женщин в составе законодательного органа региона не приводит к качественному изменению законотворческого процесса, не повышает его социальную / женскую ориентированность¹.

Предметом эмпирического исследования выступила степень представительства интересов женщин как социальной группы в деятельности женщин-парламентариев Санкт-Петербурга. В качестве основного метода исследования был использован контент-анализ материалов, размещенных на официальном сайте Законодательного Собрания Санкт-Петербурга [13]. Материалы депутатской деятельности анализировались за период с сентября 2016 г. (выборы нового состава парламента) по ноябрь 2018 г.

Теоретическую рамку исследования составили концепция «мужского господства» П. Бурдые [14] и вытекающий из нее феномен «выхода женщин за границы своего пола» или «добровольного согласия с господством», который заключается в том, что для сохранения себя в поле политики женщины выстраивают свой имидж не в соответствии со своей гендерной принадлежностью, а исходя из атрибутов доминирующей маскулинности [15. С. 7]. Другими словами, будучи объективно в меньшинстве, женщины должны отвечать представлениям большинства мужского мира политики. Именно поэтому они не склонны противостоять своему назначению в «женские» комиссии и комитеты, даже если себя чувствуют более компетентными в других областях.

«Мужское господство» П. Бурдые раскрывает символическую природу мужского доминирования в культуре и политике, лишней раз доказывая, что необходимы качественные изменения в представлениях о ролях женщин в обществе, ее способностях как политического актора. В противном случае женщины-политики всегда будут испытывать кризис гендерной идентичности, поскольку традиционалистские гендерные нормы видят в женщине мать и хранительницу домашнего очага, а отнюдь не человека, определяющего пути дальнейшего развития страны (региона) (подробнее о традиционалистских нормах см.: [16]).

¹ Знак равенства между женскими интересами и решением социальных проблем поставлен абсолютно сознательно, потому что в России социальная сфера продолжает оставаться крайне феминизированной. Семья, дети, образование, культура, медицина, уход за инвалидами и пожилыми – все это зона ответственности по большей части именно женщин.

В качестве еще одной теоретической линзы будет использована теория социального действия в трактовке М. Вебера, т.е. сделан акцент на действующем индивиде, а не на социальных институтах. Это позволит включить в анализ политических / законотворческих процессов конкретную личность депутата, имеющего определенные социально-демографические характеристики, ожидания, ценности, установки и стереотипы.

Основные эмпирические данные получены с помощью контент-анализа, т.е. количественной методологии сбора данных.

Статья делится на три части. В первой проводится анализ литературы по теме исследования, во второй представлены данные отечественной статистики по политическому представительству женщин, а также результаты эмпирического исследования законотворческой деятельности женщин-депутатов Законодательного Собрания Санкт-Петербурга в 2016–2018 гг. В третьей части подводятся итоги, делаются выводы и намечаются направления дальнейших исследований.

Тема политической активности женщин давно является предметом общественных дискуссий и научных исследований. Еще в XVII в М. Эстелл, отстаивая право женщин на рациональное мышление и субъектность, задавала вопрос: «Поскольку Бог наделил женщин, как и мужчин, разумной душой, почему им возбраняется пользоваться ею?» (цит. по: [17. С. 20]). Однако признание женщины разумным существом, имеющим те же способности, что и у мужчин, не отвечало на вопрос о том, насколько сходны / различны интересы женщин и мужчин, в том числе в политике.

Все феминистские теории и теоретики исходят из общего тезиса о том, что в условиях традиционного общества, где господствуют патриархатные представления, женщинам просто нет места в политике, соответственно, они объективно не могут быть реальными политическими акторами¹. Феминистские исследователи полагают, что это выступает проявлением гендерного неравенства и нарушением прав человека, следовательно, с этим необходимо бороться в современном / демократическом / либеральном / правовом обществе.

Первая волна женского движения, как известно, в качестве своей основной цели ставила обретение женщинами политических прав и свобод, в первую очередь избирательных (о первой волне русского феминизма см.: [18]). К началу XXI в. эта цель была полностью достигнута. В современном мире практически нет государств, где у женщин не было бы права голоса, но гендерное неравенство от этого отнюдь не исчезло. Как отмечает Н. Портякова в статье 2018 г., «...в 32 странах мира женщины не имеют права обратиться за получением паспорта без разрешения мужа. В Египте и еще 16 странах мира есть закон, который грозит супруге лишением финансовой поддержки мужа за выход из дома в одиночестве и без разрешения. В Мали все еще практикуется женское обрезание, а в Непале показатель смертности при родах составляет 1 к 24» [19]. Даже в странах с цифровой экономикой и устоявшимися демократическими институтами домашнее насилие не пре-

¹ Здесь не рассматриваются ситуации скрытого влияния и манипулирования, когда женщины могут оказывать заметное воздействие на политические решения и государственную политику, пользуясь своим положением матери / супруги (любовницы), а также находясь в статусе вдовы. Напомним, что русская императрица Екатерина II пришла к власти благодаря браку, а не в силу своих способностей, которые у нее, безусловно, были. Кроме того, в данной статье речь идет о массовом вхождении в политику женщин как социальной группы, а не об отдельных выдающихся исторических личностях.

крашается, сохраняется разрыв в доходах женщин и мужчин, и власть по-прежнему во многом остается «мужским клубом».

Всемирный экономический форум в Давосе ежегодно публикует статистику по гендерному разрыву (см.: [20]). Программа развития ООН составляет рейтинг стран по индексу гендерного развития, в котором Россия в 2015 г. была на 49-м месте сразу после Бахрейна и Черногории (см.: [21]). Достижение гендерного равенства включено в качестве пятой цели в Цели устойчивого развития ООН [22]. Написано множество работ по различным стратегиям улучшения положения женщин и повышению их роли в обществе, например, о политике гендерного мейнстриминга или гендерной интеграции (см.: [2, 23, 24]). Тем не менее ситуация к лучшему меняется крайне медленно.

Подводя итоги представленного выше обзора научной литературы, можно констатировать, что в ней убедительно показано существование гендерного разрыва в мире в целом и в российском обществе в частности; проведен анализ причин его возникновения и сохранения. Однако реальные способы сокращения этого разрыва исследованы недостаточно. Одним из них может стать законотворческая активность женщин-депутатов в области нормативного правового обеспечения политики гендерного равноправия. Находясь в статусе депутатов, женщины теоретически вполне могут выдвигать законопроекты в интересах женщин, способствуя тем самым улучшению их положения и сокращению гендерного неравенства, если не в стране в целом, то хотя бы в одном отдельно взятом регионе. Женщин-депутатов национального и региональных парламентов в России не очень много, но все-таки они есть. Используется ли ими эта возможность – вопрос, который исследуется в данной статье.

Начнем с анализа женского представительства в законодательных органах государственной власти России на федеральном и региональном уровнях. На рис. 1 представлена динамика численности женщин-депутатов в нижней палате Федерального собрания Российской Федерации в 1993–2016 гг.

Если в 1990-х гг. в Государственной Думе наблюдалось заметное падение количества женщин-депутатов до критических 7,6% в Думе Третьего созыва, но затем ситуация выровнялась. Сейчас доля женщин в нижней палате российского парламента составляет 15,8%, это на 2% больше, чем было в Думе Первого созыва, избранной в 1993 г. Тем не менее сколько-нибудь заметного продвижения в женском представительстве за 25 лет постсоветской истории не произошло.

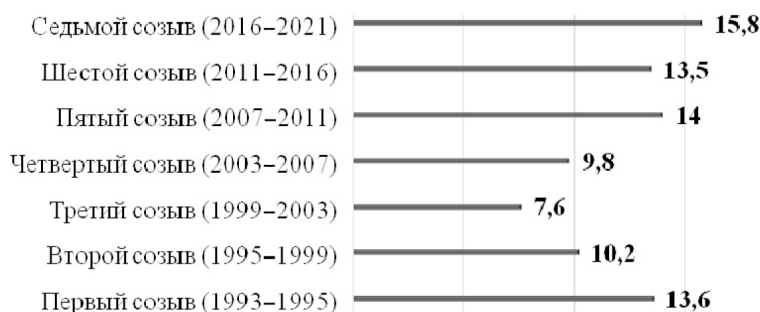

Рис. 1. Динамика доли женщин-депутатов в Государственной Думе Федерального собрания Российской Федерации (1993–2016 гг.), %

На рис. 2 представлено групповое фото 2019 г. с сайта верхней палаты Федерального собрания Российской Федерации [25].

Рис. 2. Совет Федерации Федерального собрания (12 июня 2019 г.)

Согласно данным государственной статистики в Совете Федерации на 01.01.2012 было 10 женщин из 173 сенаторов (5,8%) [26]. На 01.01.2018 женщин стало уже 30 из 170 членов Сената (17,8%) [27]. Однако о гендерном паритете в этом федеральном органе законодательной власти говорить тоже пока не приходится.

Ситуация с женским представительством в региональных парламентах России весьма разнообразна¹. В целом по стране женщины в 2012 г. составляли 12% корпуса депутатов. В 13% региональных законодательных органов женщин-депутатов было по 1–2 человека, при этом в парламенте Пензенской области женщин-депутатов не было совсем (рис. 3). Две трети парламентов (67%) имеют в свои составе менее 15% женщин, только в 7% регионов (в шести регионах – Еврейская автономная область; Архангельская Иркутская, Калужская области, Республика Тыва, Чукотский автономный округ) доля женщин составляла 25% и более депутатов (рис. 4).

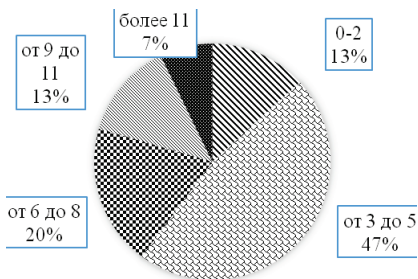

Рис. 3. Распределение региональных парламентов РФ по количеству (абс. ч.) в них депутатов-женщин, 2012 г.

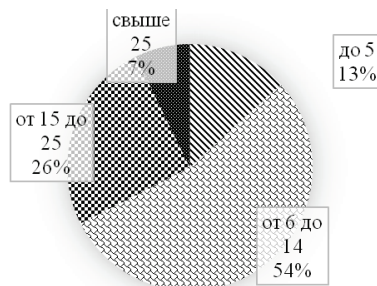

Рис. 4. Распределение региональных парламентов РФ по доле (%) в них депутатов-женщин, 2012 г.

¹ Необходимо пояснить, что данные о распределении депутатов региональных парламентов по полу последний раз были опубликованы в статистическом сборнике «Женщины и мужчины России, 2012». В сборниках 2014, 2016 и 2018 гг. эта информация не представлена. Есть только данные о Составе Федерального собрания Российской Федерации.

Причины низкого представительства женщин в законодательных органах Российской Федерации неоднократно были предметом научных исследований, в том числе автора статьи (подробный анализ см.: [28]). К наиболее распространенным относятся:

- низкая политическая культура и низкая политическая активность женщин, отсутствие массовых женских *политических* организаций [8];

- раздробленность российского женского общественного движения (борьба феминистских (диссидентских) и традиционалистских (прогосударственных) взглядов на решение проблем женщин), возникшая еще в советское время [29];

- господство в массовом сознании стереотипа «женщинам не место в политике» (см.: [30]), в силу этого женщины не голосуют за женщин на выборах;

- незрелость институциональных и неинституциональных предпосылок вхождения женщин в политику [31].

В Законодательном Собрании Санкт-Петербурга ситуация несколько иная. В региональном парламенте Первого созыва (избран в 1994 г.) из 50 его членов была всего одна женщина-депутат – Н.Л. Евдокимова, в Законодательном Собрании Шестого созыва – уже 12 женщин-депутатов. Они составляют практически четверть всего парламента (24%). Доля женщин за период 1994–2016 гг. выросла на 22%.

Следует специально подчеркнуть, что в нашей стране присутствие женщин-депутатов в парламенте совершенно не означает, что они будут бороться за преодоление гендерного неравенства и продвижение женщин на позиции принятия ключевых решений. Гендерные стереотипы и представления депутата-женщины определяют ее понимание того, в чем именно состоят женские интересы и какова роль женщины в обществе [32].

В качестве иллюстрации можно привести результаты, полученные Н. Козловой в ходе исследования женщин-парламентариев Северо-Кавказского федерального округа. Она пишет: «Деятельность большинства женщин-депутатов сосредоточена на работе в комитетах социального профиля – здравоохранения, образования, семьи, молодежной политики. Это объясняется самими избранницами природными свойствами женщин и их традиционной ролью как хранителей и трансляторов национальной культуры... Даже при незначительном росте количества женщин в парламентах СКФО произойдет усиление консервативного дискурса, направленного на поддержание гендерной асимметрии представительной системы. Представительство женских интересов будет вести к дальнейшему воспроизводству и тиражированию традиционных социальных ролей, не связанных с мейнстримом демократизации и модернизации общества» [10. С. 110].

Охарактеризуем подробнее состав женского депутатского корпуса Законодательного Собрания Санкт-Петербурга Шестого созыва, избранного в сентябре 2016 г. В табл. 1 представлены данные о всех 12 женщинах-депутатах. Две трети (67%) женщин являются членами партийной фракции Единой России. Это практически совпадает с общим распределением мест в региональном парламенте. Фракция «Единая Россия» имеет в нем 36 мандатов из 50 (72%).

Таблица 1. Общая характеристика женщин-депутатов Законодательного Собрания Санкт-Петербурга Шестого созыва

ФИО	Партийная фракция	Год рождения (лет)	Образование / профессия	Количество законодательных инициатив (2016–2018 гг.)			Количество депутатских запросов
				Всего*	Подписан	Отозван / отклонен	
Дмитриева О.Г.	Партия РОСТА	1958 (60)	Экономист, д-р экон. наук	1	0	0	4
Егорова Л.И.	Единая Россия	1966 (52)	Спортсменка, канд. пед. наук	3	1	1	0
Иванова И.В.	КПРФ	1961 (57)	Товаровед, канд. техн. наук	5	2	0	2
Киселева Е.Ю.	Единая Россия	1962 (56)	Фармацевт	19	11	2	1
Мартемьянова Ю.А.	Единая Россия	1973 (45)	Воспитатель дошкольного учреждения	4	2	0	0
Мельникова А.Р.	Единая Россия	1969 (49)	Актриса	14	3	2	0
Назарова Г.Н.	Единая Россия	1986 (32)	Управленец (ГМУ)	5	0	0	0
Рахова Е.А.	Единая Россия	1960 (58)	Экономист, юрист, управленец (ГМУ ²⁴)	18	7	2	0
Сергеева В.В.	Единая Россия	1956 (62)	Высшая школа МВД, юрист	4	0	0	0
Тихонова Н.Г.	Справедливая Россия	1973 (45)	Инженер-оптик, ГМУ ²⁴	15	6	1	4
Ходунова О.А.	КПРФ, руководитель фракции	1955 (63)	Горный инженер, политолог	2	0	1	2
Щербакова М.Д.	Единая Россия	1955 (63)	Городское и жилищно-коммунальное хозяйство	7	3	0	5
Всего: для 12 депутатов-женщин				97	35	9	18
Справочно. Всего: для 38 депутатов-мужчин				415**	189	26	66

Примечание. ГМУ – Государственное и муниципальное управление; МВД – Министерство внутренних дел.

* Как свидетельствуют данные таблицы, существует весьма заметный разброс в количестве выдвинутых женщинами инициатив: от 1 до 19 при модальном значении 4–5 (33%). У депутатов-мужчин различия заметно выше. Максимум составило значение в 134 инициативы за 2 года, минимум – 1. Модальное значение – 6 инициатив, его имеют 9 депутатов (24 %).

** Из расчета исключены законодательные инициативы Председателя Законодательного Собрания, носящие регламентный характер. В частности, о формировании органов регионального парламента, о награждении, об объявлении благодарности и т.п. Не учитывались такие инициативы и у других депутатов, например, об установлении перерыва в заседаниях Законодательного Собрания, об избрании счетной комиссии и др.

В табл. 2 представлены некоторые социально-демографические характеристики женского депутатского корпуса. Они свидетельствуют, что петербургские женщины-депутаты – люди зрелого возраста с достаточным социальным опытом и высоким уровнем образования. Четверть из них имеют ученую степень. Некоторые, когда политика стала их профессиональной деятельностью, выбрали стратегию получения второго высшего образования. В то же время образование трети депутатов-женщин напрямую не связано с государственной политикой и законодательством.

Таблица 2. Социально-демографические характеристики женщин-депутатов Законодательного Собрания Санкт-Петербурга Шестого созыва

Параметр	Значение
Средний возраст в 2018 г.	53,5 года
Доля лиц, имеющих высшее юридическое образование, %	16
Доля лиц, имеющих высшее экономическое образование, %	16
Доля лиц с образованием «Государственное и муниципальное управление», %	25
Доля лиц с ученой степенью, %	25

На рис. 5 показано, в каких комитетах и комиссиях Законодательного Собрания Санкт-Петербурга работают женщины-депутаты. Они составляют большинство (2 человека из 3) в Комиссии по экологической защите населения. Их ожидаемо много, хотя и меньше половины, в Комиссиях по социальной политике, образованию и здравоохранению. Женщин-депутатов меньше четверти в Комиссии по вопросам правопорядка и законности и в Комитете по законодательству. Всего одна женщина работает в Комиссии по устройству государственной власти, местному самоуправлению и административно-территориальному устройству. Женщин совсем нет в Комиссии по городскому хозяйству, градостроительству и имущественным вопросам, а также в Профильной комиссии по вопросам физической культуры и спорта. Последнее особенно странно, учитывая, что Л.И. Егорова – профессиональная спортсменка, имеет необходимое высшее образование и большой опыт законодательской деятельности. Она избиралась депутатом парламента города три созыва подряд в 2007, 2011 и 2016 гг.

Рис. 5. Доля женщин-депутатов в комитетах и комиссиях Законодательного Собрания Санкт-Петербурга

Понятно, что общее число женщин-депутатов невелико, их только 12, и они не могут работать более чем в двух органах Законодательного Собрания [33]. Тем не менее они сосредоточены в традиционно женских зонах ответ-

ственности – образовании, здравоохранении, социальной помощи, а не распределены более или менее равномерно по всем комиссиям и комитетам. С этой точки зрения ситуация аналогична распределению, имеющемуся в парламентах Северного Кавказа. Это лишний раз доказывает распространенность гендерных стереотипов о том, чем должны заниматься женщины и мужчины в политике, при этом этнический и конфессиональный факторы особой роли не играют. Женщины отсутствуют в ключевой для жизни города Комиссии по городскому хозяйству, градостроительству и имущественным вопросам, хотя, как было показано выше, М.Д. Щербакова имеет профильное образование по этим вопросам. Женщины практически отстранены и от работы по совершенствованию системы государственной власти и местного самоуправления в Санкт-Петербурге, поскольку из 10 членов этой комиссии женщина только одна – Е.А. Рахова. В то же время высшее образование по государственному и муниципальному управлению имеют три женщины-депутата из двенадцати.

Все вышеприведенные примеры свидетельствуют, что человеческий капитал женщин-депутатов в региональном парламенте в полной мере не используется.

Далее рассмотрим основные результаты депутатской деятельности женщин за 2016–2018 гг. В табл. 3 они представлены в сравнении с результатами деятельности депутатов-мужчин.

Таблица 3. Сравнение результатов депутатской деятельности женщин и мужчин за 2016–2018 гг.

Параметр	Значение для депутатов-женщин	Значение для депутатов-мужчин
Среднее количество депутатских запросов на 1 депутата	1,5	1,74
Среднее число законодательных инициатив на 1 депутата	8	10,9
Доля подписанных законопроектов из числа выдвинутых, %	36	45
Доля отклоненных или отозванных законопроектов, %	9	6

Как свидетельствуют данные табл. 3, активность мужчин-депутатов несколько выше, чем женщин, хотя и не на порядок. Следует отметить, что у мужчин лучше показатели по качеству депутатской деятельности: ниже процент отклоненных, отозванных или возвращенных на доработку законопроектов и выше процент уже подписанных и одобренных инициатив. Это объясняется опытом законотворческой деятельности и наличием профильного (юридического) образования. И того и другого у мужчин-парламентариев больше.

Далее проанализируем содержательную сторону законотворческой деятельности женщин-депутатов петербургского парламента.

Всего за 2016–2018 гг. женщинами было выдвинуто 65 законодательных инициатив, из них по социальным вопросам – 11 (17%). Депутатских запросов было сделано 18, из них напрямую затрагивают интересы женщин 2 (11%). Это позволяет сделать вывод, что, несмотря на участие в работе «женских», социально ориентированных структур Законодательного Собрания, социальные вопросы, по факту, не являются доминирующими в деятельности женщин-депутатов.

Как показано в табл. 1, количество инициатив и запросов у каждого депутата свое, одни женщины более активны, другие менее. В «несоциальных»

комиссиях могут работать более активные женщины, чем в «социальных». Не в последнюю очередь их активность может быть вызвана необходимостью конкурировать с депутатами-мужчинами. Все это может объяснить небольшую долю инициатив по социальным и женским вопросам. Однако с точки зрения последствий для политики и законотворческого процесса факт остается фактом: женщины-депутаты не используют в полной мере свои возможности для артикуляции интересов женщин и сокращения гендерного неравенства в Санкт-Петербурге.

Для иллюстрации разницы «социальных / женских» (которых только 17%) и «несоциальных / неженских» законодательных инициатив женщин-парламентариев¹ приведем несколько примеров (табл. 4).

Таблица 4. «Социальные / женские» и «несоциальные / неженские» законодательные инициативы женщин-парламентариев Санкт-Петербурга

«Социальная / женская» законодательная инициатива	«Несоциальная / неженская» законодательная инициатива
О внесении изменений в статью 1 Закона Санкт-Петербурга «О мерах по реализации статей 7 и 13 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» и статьи 22 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»	О внесении изменений в пункт 1 статьи 6 Закона Санкт-Петербурга «О пенсионном обеспечении лиц, замещавших должности муниципальной службы в органах местного самоуправления в Санкт-Петербурге и муниципальных органах внутригородских муниципальных образований Санкт-Петербурга»
О принятии заявления Законодательного Собрания Санкт-Петербурга «О недопущении повышения пенсионного возраста в Российской Федерации»	О внесении изменения в Закон Санкт-Петербурга «О мерах по обеспечению имущественных прав граждан, являющихся владельцами гаражей на территории Санкт-Петербурга»

Аналогично можно сопоставить депутатские запросы. Напомним, что «социальных / женских» запросов было 11% (табл. 5).

Таблица 5. «Социальные / женские» и «несоциальные / неженские» депутатские запросы женщин-парламентариев Санкт-Петербурга

«Социальный / женский» депутатский запрос	«Несоциальный / неженский» депутатский запрос
О развитии системы медицинского обеспечения учащихся образовательных учреждений СПб и финансировании дополнительных ставок врачей и медицинских сестер для учреждений, которые проводят обучение детей с особыми потребностями	По вопросу правовой оценки деятельности должностных лиц администрации Центрального района СПб в части освещения деятельности депутата в средствах массовой информации и работы с обращениями граждан
О реконструкции здания Родильного дома № 17	О нарушении прав и гарантий при осуществлении депутатской деятельности

Можно выдвинуть несколько предположений, объясняющих сложившуюся ситуацию.

1. Будучи избранными по партийным спискам, женщины-депутаты должны следовать партийной программе, в которой интересы женщин и задачи по сокращению гендерного неравенства в обществе практически не представлены.

2. Женские проблемы и интересы не выделяются женщинами-депутатами в качестве самостоятельных и / или сводятся к проблемам семьи и детей.

¹ Авторы этих законодательных инициатив не указываются сознательно, потому что с точки зрения целей и задач исследования это абсолютно неважно. Имеет значение только сам факт их выдвижения.

3. Гендерные нормы и ценности женщин-депутатов по большей части носят традиционалистский характер, поэтому они не видят необходимости в преодолении гендерной асимметрии.

4. Чтобы удержаться в команде, женщины «подыгрывают» консервативным партийным лидерам-мужчинам, даже если их гендерные нормы и ценности носят эгалитарный характер.

В рамках проведенного исследования у нас недостаточно эмпирического материала, чтобы верифицировать данные гипотезы. Для этого необходимо проведение глубоких (свободных) интервью с женщинами-депутатами и использование не количественной, а качественной методологии исследования. Тем не менее основную гипотезу можно считать подтвержденной. Увеличение числа женщин-депутатов в составе Законодательного Собрания Санкт-Петербурга по сравнению с предыдущими созывами не привело к повышению уровня представительства политических и социальных интересов женщин в законотворческом процессе. При этом человеческий капитал петербургских женщин-депутатов очень высок, но не используется в полной мере. Почему и как это изменить – вопросы для будущих исследований.

Литература

1. Айвазова С.Г. Модернизация как контекст гендерного равноправия // Модернизация и политика в XXI веке / отв. ред. Ю.С. Оганисян. М. : РОССПЭН, 2011. С. 319–333.
2. *Гендерное равенство в современном мире: роль национальных механизмов* / отв. ред. и сост. О.А. Воронина. М. : Макс Пресс, 2008. 772 с.
3. Кочкина Е.В. Женщины в российских органах власти // *Общественные науки и современность*. 1999. № 1. С. 173–183.
4. Цветкова Н.А. Женщины в системе государственного управления и политике России // Развитие российской системы государственного управления: реалии современности, тенденции, перспективы : сб. науч. тр. II междунар. науч.-практ. конф / сост. И.В. Мишуткина. 2017. С. 240–242.
5. Чирикова А.Е. Женщина в российской власти: три возможных сценария будущего // *Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях* : материалы VII междунар. социол. Грушинской конф / отв. ред. А.В. Кулешова. 2017. С. 374–376.
6. Айвазова С.Г. Гендерный ракурс массовой политики // *Женщина в российском обществе*. 2016. № 1. С. 24–34.
7. Зимин В.А. Женщины России в политике и структурах власти // *Теория и практика общественного развития*. 2013. № 10. С. 297–299.
8. Попова О.В. «Женские» партии в современной России: Проблемы и перспективы // *Политическая наука*. 2015. № 1. С. 186–199.
9. Степанова Н.М. Участие женщин в политической жизни: сравнительный опыт России и Великобритании // *Женщина в российском обществе*. 2011. № 3. С. 77–80.
10. Козлова Н.Н. Женщины в публичной политике. На материалах региональных парламентов Северо-Кавказского федерального округа // *Публичная политика*. 2017. № 2. С. 94–111.
11. Канапьянова Р.М. Гендерная асимметрия на государственной службе: траектория преодоления стереотипов М. : Изд-во РАГС, 2006. 366 с.
12. Попова О.В. Гендерные аспекты политической карьеры российской субфедеральной элиты: мнения экспертов // *Женщина в российском обществе*. 2013. № 3. С. 21–30.
13. *Сайт Законодательного Собрания Санкт-Петербурга*. URL: <http://www.assembly.spb.ru> (дата обращения: 17.12.2019).
14. Бурдые П. Мужское господство // *Социальное пространство: поля и практики*. М. : Институт экспериментальной социологии; СПб : Алетей, 2005. С. 286–363.
15. Айвазова С.Г. Гендерный дискурс в поле консервативной политики // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 4. С. 3–13.
16. Клецина И.С., Иоффе Е.В. Гендерные нормы как социально-психологический феномен. М. : Проспект, 2017. 144 с.
17. Брайсон В. Политическая теория феминизма : пер. с англ. М. : Идея-Пресс, 2001. 304 с.
18. Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности / под ред. Т. А. Мелешко. СПб. : Алетей, 2007. 544 с.

19. *Портякова Н.* Нелегкая доля: в каких странах лучше не рожаться девочкой // *Известия*. 11 октября 2018 г. URL: <https://iz.ru/797921/natalia-portiakova/nellegkaia-dolia-v-kakikh-stranakh-luchshe-ne-rozhdatsia-devochkoi> (дата обращения: 17.10.2019).
20. *The Global Gender Gap Report 2018*. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-gender-gap-report-2018> (дата обращения: 17.11.2019).
21. *Доклад о человеческом развитии 2016*. Человеческое развитие для всех и каждого. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr_2016_report_russian_web.pdf. (дата обращения: 17.11.2019).
22. *Цели в области устойчивого развития*. 17 целей для преобразования нашего мира. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/> (дата обращения: 17.11.2019).
23. *Гендерная интеграция: Возможности и пределы социальных инноваций* / ред.-сост. О.Б. Савинская, Е.В. Кочкина, Л.Н. Федорова. СПб.: Алетей, 2004. 298 с.
24. *Калабихина И.Е.* Гендерный фактор в экономическом развитии России. М.: МАКС Пресс, 2009. 245 с.
25. *Сайт «Совет Федерации Федерального Собрания – неофициальная группа»*. URL: https://vk.com/sovfed?yclid=18217745321944982530&z=photo-67437835_456239905%2Falbum-67437835_261942844%2Frev (дата обращения: 17.11.2019).
26. *Женщины и мужчины России*. 2012 : стат. сб. / Росстат. М., 2012. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B12_50/Main.htm (дата обращения: 17.12.2019).
27. *Женщины и мужчины России*. 2018 : стат. сб. / Росстат. М., 2018. [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b18_50/Main.htm (дата обращения: 17.12.2019).
28. *Кашина М.А.* Гендерный ресурс государственной политики и управления в современной России : дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2018. URL: <https://www.ranepa.ru/aspirantura/zashchity-dissertatsij/kashina-marina-aleksandrovna> (дата обращения: 17.09.2019).
29. *Хасбулатова О.А.* Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново : Изд-во Иван. гос. ун-та, 2005. 372 с.
30. *Кочергина Е.* Участие женщин в политике // *Пресс-выпуск*. 16.10.2017. URL: <https://www.levada.ru/2017/10/16/uchastie-zhenshhin-v-politike-2/> (дата обращения: 17.11.2019).
31. *Овчарова О.Г.* Гендерная асимметрия политики: неинституциональные и институциональные аспекты : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Саратов, 2008. 42 с.
32. *Серёда М.В.* Женщины как субъект неотрадиционалистской гендерной политики // *Женщина в российском обществе*. 2011. № 3. С. 94–98.
33. *Принципы формирования комитетов, постоянных и профильных (в составе постоянных) комиссий Законодательного Собрания Санкт-Петербурга*. Приложение 1 к Постановлению Законодательного Собрания Санкт-Петербурга «О структуре Законодательного Собрания Санкт-Петербурга» от 14 апреля 1999 года № 78 (с изменениями на 27 июня 2018 года) // *Вестник Законодательного собрания Санкт-Петербурга*, N 5-6, 18.06.99. URL: <http://www.assembly.spb.ru/ndoc/doc/0/9110775> (дата обращения: 17.11.2019).

Marina A. Kashina, North-West Institute of Management of the Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation).

E-mail: Kashina-ma@ranepa.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 54. pp. 238–251.

DOI: 10.17223/1998863X/54/22

WOMEN IN RUSSIAN PARLIAMENTS: WILL QUANTITY TRANSFORM INTO QUALITY? CASE OF THE LEGISLATIVE ASSEMBLY OF SAINT PETERSBURG

Keywords: gender inequality; parliament; lawmaking; gender norms.

The reduction of gender inequality is one of the tasks, which should be solved by democratic countries. This work should be done not only by the state, but also by women themselves. The analysis of women's political participation has many directions. In the scientific literature, there are works about the history of the women's movement and the struggle for their right to obtain suffrage, there are articles devoted to the representation of women in governmental structures, including legislative ones. The authors highlight two important points: the lack of gender parity (the number of women is noticeably smaller than the number of men); the existence of horizontal gender segregation in parliaments (there are "women's" and "men's" commissions and committees). However, there are much fewer surveys which describe what female deputies do in parliament. The theory of "male domination" by Pierre Bourdieu and the concept of "voluntary consent to domination" suggest that female deputies will not go beyond their gender role in order to remain in politics. The reason for it is the dominance of

traditionalist gender norms. In other words, female deputies are not to reconsider the traditional gender order and therefore reduce gender inequality. To test this hypothesis, an empirical research was made using quantitative methodology. The object of the research was the activity of female deputies of the Legislative Assembly of Saint Petersburg. This regional parliament was chosen for the study because of the high proportion of women in it (24%). This is one of the highest rates in Russia. The subject of the study was the degree of representation of interests of women as a social group in the activities of female parliamentarians. The method of collecting information was the content analysis of legislative initiatives and deputy requests in 2016–2018. The results of the study confirmed that the solution of social problems and the protection of women's interests is not a priority in the activities of female deputies of Saint Petersburg parliament. Only 17% of their legislative issues are devoted to social issues, only 11% of parliamentary requests directly affect the interests of women. Thus, the quantity of women in the regional parliament did not turn into quality, which is the creation and adoption of laws in the interests of women. An important area of the future research may be a comparative analysis of women's parliamentary activities in various regional parliaments of Russia. It will make it possible to consider not only the socio-demographic characteristics of the deputies, but also the features of the region, such as the level of economic development, history, culture, denominations, etc.

References

1. Ayvazova, S.G. (2011) Modernizatsiya kak kontekst gendernogo ravnopraviya [Modernization as a context of gender equality]. In: Oganisyan, Yu.S. (ed.) *Modernizatsiya i politika v XXI veke* [Modernization and Politics in the 21st Century]. Moscow: ROSSPEN. pp. 319–333.
2. Voronina, O.A. (ed.) (2008) *Gendernoe ravenstvo v sovremennom mire: rol' natsional'nykh mekhanizmov* [Gender Equality in the Modern World: The Role of National Mechanisms]. Moscow: Maks Press.
3. Kochkina, E.V. (1999) Zhenshchiny v rossiyskikh organakh vlasti [Women in the Russian authorities]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*. 1. pp. 173–183.
4. Tsvetkova, N.A. (2017) Zhenshchiny v sisteme gosudarstvennogo upravleniya i politike Rossii [Women in the system of public administration and the politics of Russia]. In: Mishutkina, I.V. (ed.) *Razvitie rossiyskoy sistemy gosudarstvennogo upravleniya: realii sovremennosti, tendentsii, perspektivy* [Development of the Russian Public Administration System: Realities of the Present, Trends, Prospects]. Guriev: [s.n.]. pp. 240–242.
5. Chirikova, A.E. (2017) Zhenshchina v rossiyskoy vlasti: tri vozmozhnykh stseneriya budushchego [A woman in Russian power: three possible scenarios of the future]. In: Kuleshova, A.V. (ed.) *Navstrechu budushchemu. Prognozirovaniye v sotsiologicheskikh issledovaniyakh* [Towards the Future. Forecasting in Sociological Research]. Moscow: [s.n.]. p. 374–376.
6. Ayvazova, S.G. (2016) Gendernyy rakurs massovoy politiki [Gender perspective of mass politics]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve – Woman in Russian Society*. 1. pp. 24–34.
7. Zimin, V.A. (2013) Russian women in politics and power structures. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 10. pp. 297–299. (In Russian).
8. Popova, O.V. (2015) Role of women's parties in modern Russia: Problems and prospects. *Politicheskaya nauka – Political Science*. 1. pp. 186–199. (In Russian).
9. Stepanova, N.M. (2011) Uchastie zhenshchin v politicheskoy zhizni: sravnitel'nyy opyt Rossii i Velikobritanii [Women's participation in political life: a comparative experience of Russia and the UK]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve – Woman in Russian Society*. 3. pp. 77–80.
10. Kozlova, N.N. (2017) Zhenshchiny v publichnoy politike. Na materialakh regional'nykh parlamentov Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga [Women in public politics. A case study of materials of regional parliaments of the North Caucasus Federal District]. *Publichnaya politika – Public Policy*. 2. pp. 94–111.
11. Kanapyanova, R.M. (2006) *Gendernaya asimmetriya na gosudarstvennoy sluzhbe: traektoriya preodoleniya stereotipov* [Gender asymmetry in public service: the trajectory of overcoming stereotypes]. Moscow: RAGS.
12. Popova, O.V. (2013) Gendernye aspekty politicheskoy kar'ery rossiyskoy subfederal'noy elity: mneniya ekspertov [Gender Aspects of the Political Career of the Russian Subfederal Elite: Expert Opinions]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve – Woman in Russian Society*. 3. pp. 21–30.
13. *The Legislative Assembly of St. Petersburg*. Official Website. [Online] Available from: <http://www.assembly.spb.ru> (Accessed: 17th December 2019).
14. Bourdieu, P. (2005) *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* [Social Space: Fields and Practices]. Translated from French. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aletheya. pp. 286–363.

15. Ayvazova, S.G. (2017) Gendernyy diskurs v pole konservativnoy politiki [Gender discourse in the field of conservative policy]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve – Woman in Russian Society*. 4. pp. 3–13.
16. Kletsina, I.S. & Ioffe, E.V. (2017) *Gendernye normy kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen* [Gender Norms as a Socio-Psychological Phenomenon]. Moscow: Prospekt.
17. Bryson, V. (2001) *Politicheskaya teoriya feminizma* [Feminist Political Theory]. Translated from English. Moscow: Ideya-Press, 2001. 304 s.
18. Yukina, I.I. (2007) *Russkiy feminizm kak vyzov sovremennosti* [Russian feminism as a challenge of our time]. St. Petersburg: Aleteyya.
19. Portyakova, N. (2018) Nelegkaya dolya: v kakikh stranakh luchshe ne rozhdat'sya devochkoym [A difficult share: in which countries it is better not to be born a girl]. *Izvestiya*. 11th October. [Online] Available from: <https://iz.ru/797921/natalia-portiakova/nelegkaia-dolia-v-kakikh-stranakh-luchshe-ne-rozhdat'sia-devochkoi> (Accessed: 17th October 2019).
20. World Economic Forum. (2018) *The Global Gender Gap Report 2018*. [Online] Available from: <https://www.weforum.org/reports/the-global-gender-gap-report-2018> (Accessed: 17th November 2019).
21. The UNDP. (2016) *Doklad o chelovecheskom razvitiy 2016. Chelovecheskoe razvitiye dlya vsekh i kazhdogo* [Human Development Report 2016. Human Development for Each and Everyone]. [Online] Available from: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr_2016_report_russian_web.pdf. (Accessed: 17th November 2019).
22. The UNO. (n.d.) *Tseli v oblasti ustoychivogo razvitiya. 17 tseley dlya preobrazovaniya nashego mira* [Sustainable development goals. 17 goals to transform our world]. [Online] Available from: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/> (Accessed: 17th November 2019).
23. Savinskaya, O.B., Kochkina, E.V. & Fedorova, L.N. (eds) (2004) *Gendernaya integratsiya: Vozmozhnosti i predely sotsial'nykh innovatsiy* [Gender Integration: Opportunities and Limits of Social Innovation]. St. Petersburg: Aleteyya.
24. Kalabikhina, I.E. (2009) *Gendernyy faktor v ekonomicheskom razvitiy Rossii* [Gender Factor in the Economic Development of Russia]. Moscow: MAKSS Press.
25. *The Council of the Federation of the Federal Assembly. An unofficial group*. Website. [Online] Available from: https://vk.com/sovfed?yclid=18217745321944982530&z=photo-67437835_456239905%2Falbum-67437835_261942844%2Frev (Accessed: 17th November 2019).
26. The State Committee of Statistics of the Russian Federation. (2012) *Zhenshchiny i muzhchiny Rossii. 2012* [Women and Men of Russia. 2012]. [Online] Available from: https://gks.ru/bgd/regl/B12_50/Main.htm (Accessed: 17th December 2019).
27. The State Committee of Statistics of the Russian Federation. (2018) *Zhenshchiny i muzhchiny Rossii. 2018* [Women and Men of Russia. 2018]. [Online] Available from: https://gks.ru/bgd/regl/b18_50/Main.htm (Accessed: 17th December 2019).
28. Kashina, M.A. (2018) *Gendernyy resurs gosudarstvennoy politiki i upravleniya v sovremennoy Rossii* [Gender Resource of State Policy and Management in Modern Russia]. Political Science Dr. Diss. St. Petersburg. [Online] Available from: <https://www.ranepa.ru/aspirantura/za-shchity-dissertatsij/kashina-marina-aleksandrovna> (Accessed: 17th September 2019).
29. Khasbulatova, O.A. (2005) *Rossiyskaya gendernaya politika v XX stoletii: mify i realii* [Russian Gender Policy in the Twentieth Century: Myths and Realities]. Ivanovo: Ivanovo State University.
30. Kochergina, E. (2017) Uchastie zhenshchin v politike [Women's participation in politics]. *Press-vypusk*. 16th October. [Online] Available from: <https://www.levada.ru/2017/10/16/uchastie-zhenshchin-v-politike-2/> (Accessed: 17th November 2019).
31. Ovcharova, O.G. (2008) *Gendernaya asimmetriya politiki: neinstitutsional'nye i institutsional'nye aspekty* [Gender asymmetry of politics: non-institutional and institutional aspects]. Abstract of Political Science Dr. Diss. Saratov.
32. Sereda, M.V. (2011) Zhenshchiny kak sub"ekt neotraditsionalistskoy gendernoy politiki [Women as a subject of neotraditional gender policy]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve – Woman in Russian Society*. 3. pp. 94–98.
33. The St. Petersburg Legislative Assembly. (1999) Printsipy formirovaniya komitetov, postoyannykh i profil'nykh (v sostave postoyannykh) komissiy Zakonodatel'nogo Sobraniya Sankt-Peterburga. Prilozhenie 1 k Postanovleniyu Zakonodatel'nogo Sobraniya Sankt-Peterburga "O strukture Zakonodatel'nogo Sobraniya Sankt-Peterburga" ot 14 aprelya 1999 goda № 78 (s izmeneniyami na 27 iyunya 2018 goda) [The principles of forming committees, standing and profile (as part of standing) commissions of the Legislative Assembly of St. Petersburg. Appendix 1 to Resolution No. 78 of the Legislative Assembly of St. Petersburg "On the structure of the Legislative Assembly of St. Petersburg" dated April 14, 1999 (as amended on June 27, 2018)]. *Vestnik Zakonodatel'nogo sobraniya Sankt-Peterburga*. 5-6. [Online] Available from: <http://www.assembly.spb.ru/ndoc/doc/0/9110775> (Accessed: 17th November 2019).